

А. В. Востров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ЗАЧАРОВАННЫЙ АРХИПЕЛАГ: ШВЕДОЯЗЫЧНАЯ ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В XXI ВЕКЕ

В статье рассматривается ситуация современной шведоязычной финской литературы: основные тенденции и перспективы ее дальнейшего развития. Отталкиваясь от комплекса идей М. Бахтина, а также концепций «своего» — «чужого» и «центра» — «периферии», автор анализирует взаимосвязь литературы национального меньшинства с финской литературой и с соседней шведской, родственной по языковому признаку. В соответствии с тенденцией развития шведоязычной финской литературы в XX столетии сделан вывод об ослаблении влияния шведоязычного культурного наследия на финское современное общество (и литературу, в частности), а также уменьшении роли современных авторов в общефинском литературном процессе, что предопределяет их периферийное положение. Обсуждаются перспективы развития шведоязычной финской литературы, которое напрямую зависит от сохранения официального статуса шведского языка в Финляндии.

Ключевые слова: шведоязычная финская литература, финская литература, шведская литература, свой — чужой, центр — периферия.

Alexey V. Vostrov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

AN ENCHANTED ARCHIPELAGO: SWEDISH-LANGUAGE FINNISH LITERATURE IN THE 21ST CENTURY

The article reviews the situation in Swedish-language Finnish literature, its trends and prospects of development. Starting from the Bakhtin's complex of ideas, and from us vs. them and center vs. periphery concepts the article analyses the connections of the national minority literature with Finnish literature, and with neighboring Swedish literature that is kindred by language. Further, considering trends of Swedish-language Finnish literature development in the 20th century it infers that the Swedish-language cultural legacy reduced its influence on the Finnish society and literature, in particular, and diminished roles of contemporary writers in the all-Finnish literature process, thereby pre-determining their peripheral position. In the conclusion the article discusses the prospects of Swedish-language Finnish literature development that directly depend on preservation of the official status of Swedish language in Finland.

Keywords: Swedish-language Finnish literature, Finnish literature, Swedish literature, us vs. them concept, center vs. periphery concept.

Шведоязычную финскую литературу зачастую ошибочно соотносят со шведской из-за единого языкового пространства (литературный финляндский шведский язык выделяется активным использованием архаизмов), однако литературные традиции соседних стран отличаются значительно. Процесс поиска

национального самосознания в российский период истории Великого княжества Финляндского (1809–1917) окончательно отдалил финскую литературу, в то время почти исключительно шведоязычную, от шведского берега, и в дальнейшем расстояние лишь увеличивалось. После обретения Финляндией независимости (и ускорения процесса финнизации общества) шведоязычная финская литература постепенно превратилась в своеобразное культурное пространство, лишь частично соприкасающееся с финноязычным.

В XX столетии, особенно во второй его половине, шведоязычная Финляндия окончательно оформилась в архипелаг, оставляя на финской карте лишь отдельные свои «оазисы». В социологии данный процесс получил отражение в термине «языковые острова» (швед. *språköar*) — небольшие неравномерно распределенные области шведского языка. К началу XXI столетия в Финляндии насчитывалось 5,6 % шведоговорящих финнов (в 2019 г. — 5,2 %), большинство из которых проживает в двуязычных регионах и является билингвами [Saarela, 2021, s. 13]. Владение финским языком не умаляет желания контактировать и, главное, читать книги на родном языке: по статистике, шведоязычные финские авторы публикуют около 10 % от общего числа изданных в стране книг. Данная практика связана в первую очередь с серьезными финансовыми институтами (крупнейший из них — Шведский культурный фонд Финляндии), которые позволяют реализовывать шведоязычные программы. Финская книжная традиция, изначально заложенная на шведском языке, несомненно, также играет свою роль.

Сообщество финляндских шведов можно рассматривать как явление, рожденное исторической и языковой необходимостью на пересечении финляндско-шведских путей. Даже к настоящему моменту многие его представители имеют иное культурное наследие по сравнению с финноязычными соотечественниками. Неудивительно, что современная шведоязычная литература Финляндии как литература национального меньшинства находится в своем микрокосме. Широко распространенный среди финляндских шведов билингвизм позволяет участвовать в общефинском литературном процессе, но не предполагает широкой вовлеченности в него: в отличие от финноязычной литературы, шведоязычные авторы чаще могут позволить себе эксперименты, проявить свою самобытность без оглядки на современные течения и социальные потребности общества. В то же время литература финляндских шведов вынужденно сохраняет дистанцию от родственной по языку шведской литературы: шведская культура чаще всего не близка шведоязычным финнам.

Анализ подобных явлений приводит к изучению треугольника «идентичность — интерсекциональность — идентификация», что порождает маркеры различий: моно-/двуязычие, центр/периферия, высокая/низкая культура, культурный/сельский шведский язык и т. д. [Klinkmann, 2017, s. 42]. Под *интерсекциональностью* будет пониматься пересечение различных форм или систем доминирования в языковых отношениях (большинство/меньшинство) или языкового статуса (официальный/неофициальный) с точки зрения финского и финляндского шведского языков. Тогда финляндский шведский как язык привилегиро-

ванного национального меньшинства с широким историческим следом является иллюстрацией пограничного взаимодействия культур.

Размытая граница культурных ареалов ведет к прямому диалогу культур с оттенком противопоставления центра и периферии: пограничное положение шведоязычной финской литературы характеризуется «близостью к своим периферийным областям» [Österlund, Lassén-Seger, Franck, 2011, s. 63]. Язык произведений финляндских шведов дает возможность существовать как *в* финской, так и *вне* ее — в шведской (скандинавской) литературе. Данная двойственность отсылает к концепции «своего» и «чужого» и представляет две стороны границы (*вне* и *в*), обладающие свойством не только *разделять*, но и *соединять*. Неудивительно, что описание литературы финляндских шведов обычно базируется на указанном дуализме: «не является ни финской, ни исконно-шведской (швед. *riks-svensk*), но находится во взаимодействии с обеими» [Ekman, 2014, s. 13]; рассматривается как «в двойном смысле провинциальная» [Warburton, 1984, p. 11] или «находится между установленными категориями нации и языка» [Malmö, 2018, s. 47]. Таким образом, созданные авторами произведения «не вписываются» ни в финскую (к которой номинально относятся), ни в шведскую литературу, вместе с тем сохраняя возможности для сближения.

Инерционность шведской литературы с точки зрения восприятия соседней финской (шведоязычной) культуры, сложная специфика контактов с финской литературой ведут к *одиночеству нескольких измерений*: в 1960-е годы модернист Раббе Энкель, говоря об одиночестве шведоязычного финского писателя, упоминал саморефлексию, оторванность от финской Финляндии и от Швеции [Маццарелла, 2009, с. 245]. Последнее весьма показательно в контексте культурной роли шведского языка, литературный след которого намного шире, чем языка финского. Возможность выйти в литературное пространство Северных стран позволяет говорить о потенциально широкой читательской аудитории, однако тексты шведоязычных финских авторов зачастую затрудняют доступ внутрь себя для непосвященного читателя в стремлении соблюсти культурную дистанцию. Помимо этого, все процессы по принятию изначально чуждых литературе меньшинства явлений происходят намного медленнее, чем в литературе большинства.

В целом ситуация изолированности свойственна Финляндии: несмотря на активный прием эмигрантов, ее литература существует в основном в рамках собственной нации — в формате двух языков со значительным преобладанием финского. В качестве исключения можно отметить следующие факты: в 2019 г. высшую литературную премию страны *Finlandia* впервые получил писатель иностранного (югославского) происхождения; аналогичная ситуация со второй по значимости литературной премией Рунеберга, которую в 2005 г. получила Зинаида Линден, двуязычный (шведоязычный и русскоязычный) писатель.

Возникает своеобразный культурный диссонанс: мультикультурные процессы в различных областях зачастую противопоставляются литературной монокультуре, в которой, правда, уже давно преобладает мультикультурная тематика. Тем не менее данная монокультура является «многослойной»: кроме шведоязыч-

ной, например, существует русскоязычная литература Финляндии, однако влияние данных «слоев» на общество в данный момент сложно назвать определяющим. На рубеже тысячелетий существовал ряд шведоязычных авторов, которые по традиции влияли на финское общество (Й. Доннер, Б. Карпелан, Л. Хульден и др.), но постепенно они «сошли со сцены» в силу возраста. Влияние «старшего поколения» весьма показательно: молодые авторы с трудом добиваются признания как в Финляндии, так и в Швеции. Даже те немногие шведоязычные авторы, которым за последние два десятилетия удалось выйти за границы своего «ареала», получают известность в стране только после перевода на финский язык.

Взаимодействие со шведской литературой — произвольное и непроизвольное — приводит к «граничному эффекту»: произведения самых известных современных финских шведоязычных авторов (их круг весьма узок) порой имеют больше читателей на другом берегу Ботнического залива, чем на родном (в оригинальном варианте, а не в переводе на финский язык!). В данном контексте можно даже отметить, что книги таких авторов являются «дважды опубликованными»¹. Так, за 2000–2016 гг. в среднем выходило около 4 книг в Швеции в год, что составляет около 19% от общего количества шведоязычных изданий в Финляндии [Riitamaa, 2018, s. 27–28]. Менее известные авторы остаются в узком кругу финляндских шведов.

Говоря о шведоязычной финской прозе 1890–1980-х годов, писатель и литературный критик Мерете Маццарелла использовала метафору «тесная комната» (швед. *det trånga rummet*) [Malmö, 2016, s. 37], которую можно расширить до образа столкновения локального пространства литературы финляндских шведов с глобальным пространством финской и особенно шведской литературы. Клаустрофобия (или традиционная изолированность?) финского шведоязычного мира отражается во многих произведениях современных авторов «тесной комнаты», побуждая к расширению горизонта к контактам с иными культурными пространствами. Важно отметить, что начиная с 1980-х годов рассматриваемая литература движется в двух направлениях: *центростремительном* (семья, традиции, ощущение меньшинства) и *центробежном* (нефинское окружение героев и путешествие как значимая часть сюжета) [Schoolfield, 1998, p. 705]. Важной иллюстрацией данного процесса является парадокс финского социолога К. Такселла: «...в случае языкового меньшинства двуязычные решения часто приводят к моноязычию, а моноязычные решения обеспечивают двуязычие» [Востров, 2014, с. 156]. Подобные взаимные трансформации — из одной крайности в другую — являют динамику взаимодействия культурного (в данном случае — литературного) наследия двуязычного финского общества.

Можно выделить следующие знаковые фигуры финляндской литературы на шведском языке за последнее столетие: Эдит Сёдергран, Туве Янссон, Мэрта Тикканен, Моника Фагерхольм. Четыре женщины, четыре поколения симво-

---

¹ При издании книг финских шведоязычных авторов в Швеции указываются два издательства — финское и шведское.

лизируют четыре этапа развития литературы финляндских шведов: модернизм (1910–1930); послевоенное время, пронизанное меланхолией муми-троллей (1945–1970); доминирование гендерных вопросов (1960–1980); «новая литература» рубежа столетий. Вышеупомянутые авторы наиболее известны в Северных странах, а главный голос принадлежит, бесспорно, Туве Янссон. В стороне от этого списка находится «вечный кандидат» на Нобелевскую премию Бу Карпелан, многогранные произведения которого переведены на мировые языки, а одной из главных его премий стала французская Prix Européen de Littérature (2006).

Известность указанных авторов за пределами Финляндии тем не менее не предполагает широкой их вовлеченности в современный европейский литературный процесс. Еще более сложная ситуация у шведоязычных финских авторов XXI столетия, хотя текущий литературный период отмеряют с 1975 г. [Ekman, 2014, s. 20–21]. В эссе из книги «Линии между звездами» (2002) М. Маццарелла высказывает справедливую точку зрения: современность в Финляндии почти не существует по-шведски [Маццарелла, 2009, с. 240]. В этом ключе официальный статус языка и «приближенность» к шведской литературе не способствуют уменьшению изоляции, а, наоборот, подчеркивают ее. Данную сторону вопроса являет метафора *долины муми-троллей* (швед. *Mumindalen*): финляндские шведы зачастую иронично сравнивают свое окружение с пространством, воплощенным Туве Янссон, — символом обособленности и уязвимости [Klinkmann, 2011, s. 262–282].

Сказочный мир Туве Янссон, по одной из версий инициированный тесным сообществом финляндских шведов, незримо перекликается с пространством сказок известного шведоязычного писателя прошлого Сакариаса Топелиуса. Так «зачарованный архипелаг», в котором герои существуют изолированно, но умеют противостоять напастям извне, становится прообразом шведоязычной финской литературы — его основой. Метафору можно дополнить «зачарованной» поэзией Эдит Сёдергран, чей дом в Райволе (совр. Роцино) стал литературным урочищем (*locus poesiae*) [Топоров, 1988, с. 61–62] — романтической природно-культурной связью с пылающим послереволюционным финским Карельским перешейком. Изолированность самой поэтессы и неприятие ее (модернизма, в частности) финским литературным сообществом того времени являются показательными в данном контексте, как и последующее ее становление в качестве классика финской и шведской поэзии.

Отталкиваясь от двух соседних, но разных берегов, «архипелаг» постепенно обрел флер «зачарованности», и современные шведоязычные финские авторы сполна ощущают это. Соотечественники знакомятся с ними в основном после перевода на финский язык, но авторов, «автоматически» переводимых на главный государственный язык, немного. Редкие произведения, дошедшие до шведского читателя, воспринимаются как событие либо вовсе теряются в потоке местной литературы — следствие малой информированности о шведоязычной Финляндии.

Ч. Вестё, У.-Л. Лундберг, М. Фагерхольм, Л. Сунд, Т. Форстрём (в 2019 г. назначена членом Шведской королевской академии наук) достаточно известны

в обеих странах, но представляют предыдущее поколение и скоро в силу возраста закончат литературную деятельность. Лишь немногие из знаковых авторов «новой волны» (Х. М. Тайвассало, К. Грипенберг, Э.-С. Бюгмэстар, М. Сундстрём, Ю. Хольмстрём, П. Сандстрём, К. Эрландссон, Р. Осбакка и др.) регулярно переводятся на финский язык или издаются в Швеции. Указанным авторам сложнее выйти за границы своего литературного «ареала» ввиду значительного уменьшения роли шведского языка в финском обществе и сокращения культурных контактов между финляндскими шведами и Швецией. Фраза Зинаиды Линден «литература — наша Родина, не данная нам при рождении, но приобретенная» [Востров, 2015, с. 328] показательна: автор, чей культурный регистр шире, чем у финских авторов, видит ситуацию меньшинства, находящегося вне нации и языка, и направление движения в иной плоскости.

«Линден — больше, чем просто кросс-культурный феномен», — утверждает известный финляндский литературовед и критик Трюгве Сёдерлинг. Ее «меньшинство в квадрате» достаточно наглядно проецируется на процессы поиска оптимальных границ современных национальных литератур на фоне мультикультурных коммуникаций [Востров, 2015, с. 330, 341]. Тогда, отталкиваясь от комплекса работ М. Бахтина, можно выделить вопрос о «внеаходимости» автора, понимаемой здесь как состояние неполного присутствия в национальной литературе и как невозможность четкой пространственной фиксации [Ушакин, 2006, с. 76]. Последнее можно трактовать как географическо-социологический фактор (местоположение автора и его роль в обществе), так и методологический (соотнесенность с литературой региона или с единым языковым пространством).

В ракурсе шведоязычной финской литературы данный термин отсылает к вопросу о самоопределении авторов. Географическо-социологический фактор связан с идентичностью: являются ли финляндские шведы финнами, шведами или представляют собственную культуру национального меньшинства? Методологический фактор соотносит автора с пространством литературы: с какой литературой тот связывает себя — с финской, шведской или шведоязычной финской? В условиях стремительных изменений национальных культур двуязычный автор обрекает себя на культурную «внеаходимость»: частичное присутствие в одной культуре и неполное отождествление себя с другой. Данная трактовка становится еще одним преломлением границы и следствием сближения пограничных культур.

Таким образом, внутренняя закономерность развития отдельных наций и языковых (этнических) групп не является полностью случайной и обуславливается социальными, экономическими, культурными факторами, наряду с конкретными историческими условиями, предшествовавшими переменам. В частности, литературный акт запечатлевает глубокие исторические процессы, но «отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, вырождается и умирает» [Бахтин, 2003, с. 282].

Граница также порождает прямой диалог культур, одним из средств выражения которого является литература. И. Неупокоева справедливо предполагает

ет, что «ни одна область истории и теории литературы не связана так тесно со смежными областями историко-культурного знания, как изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур» [Сойни, 2017, с. 28]. Пересечение литературного пространства многочисленными границами создает ситуацию многократных переводов и трансформаций текстов (в частности, перевод на другой язык). Тогда функция любой границы сводится к отделению «своего» от «чужого», фильтрации внешнего (текст на чужом языке) и переводу текста на свой язык [Лотман, 2000, с. 262, 265]. В контексте ситуации шведоязычной финской литературы данная функция являет иллюстрацию все большего ее обособления от финской и шведской литератур и дальнейшей маргинализации в рамках узкого сообщества финляндских шведов.

В заключение нужно выделить еще одну перспективу шведоязычной финской литературы как составной части литературы национальной. Дальнейшее развитие напрямую связано со статусом шведского языка в Финляндии. Пока тот является официальным языком со значительной поддержкой (институты, финансирование, традиции), его положение в целом можно охарактеризовать как минимально устойчивое. Однако процесс финнизации, пронизывающий почти всю общественную жизнь страны, предполагает ассимиляцию шведоязычной финской культуры, тем самым лишая ее своеобразного «рельефа», отличающего как от финской, так и от шведской. В таком случае шведоязычной финской литературе грозит переход в разряд литературы меньшинства, не имеющей официальных преференций, — «зачарованного (и почти мифического) архипелага» на литературной карте между финским и шведским берегами, и окончательная потеря влияния на общефинский литературный процесс. Но даже при таком развитии событий исторический след и заложенные двумя столетиями традиции останутся неизменными: литература финляндских шведов представляет собой значимое явление не только для Финляндии, но и для Швеции.

Литература

- Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, 2003. С. 264–325.
- Востров А. В. Зинаида Линден. На грани культур // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 328–341.
- Востров А. В. Шведский архипелаг Финляндии. СПб.: Карелико, 2014.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Маццарелла М. Почему я плохо говорю по-фински. Фрагменты книги «Линии между звездами» // Иностранная литература. 2009. № 9. С. 233–247.
- Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX столетия. М.: ЯСК, 2017.
- Топоров В. Н. К понятию «литературного урочища» (Locus poesiae) // Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллин: Таллинский пединститут им. Э. Вильде, 1988. С. 61–73.

- Ушакин С. Вне находимости: Бахтин как чужое свое // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 73–85.
- A History of Finland's Literature / ed. by G. C. Schoolfield. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1998.
- Ekman M. 'Uppkomsten av en minoritetslitteratur', i *Finlands svenska litteratur 1900–2012*. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
- Finlands svenska litteratur 1900–2012 / (ed.) M. Ekman. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014.
- Klinkmann S.-E. I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska I Finland. Helsingfors: SLS, 2011.
- Klinkmann S.-E. Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier // *Föreställda finlandssvenskheter*. Helsingfors: SLS, 2017. S. 29–56.
- Malmio K. Här och där, nära och fjärran — den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmo- derniteten // *Tijdschrift voor Skandinavistiek*. 2018. 36 (2). S. 44–57.
- Malmio K. Mötet mellan lokala och globala rum // *Historiska och litteraturhistoriska studier*. 91. Helsingfors: SLS, 2016. S. 37–65.
- Österlund M., Lassén-Seger M., Franck M. 'Glokal' litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur // *Barnelitterært Forskningstidsskrift*. 2011. 2 (1). S. 60–71.
- Riitamaa T. Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016 // *Historiska och litteraturhistoriska studier*. 93. Helsingfors: SLS, 2018. S. 17–46.
- Saarela J. Finlandssvenskarna 2021 — en statistisk rapport. Helsinki: Svenska Finlands folkting, 2021.
- Warburton T. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Schildts, 1984.

References

- Bakhtin M. M. The problem of form, content and material in verbal artistic creativity. Bakhtin M. *Collected Works: in 7 vols. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s*. Moscow: Russian dictionaries Publ., 2003, pp. 264–325. (In Russian)
- Ekman M. "Uppkomsten av en minoritetslitteratur", i *Finlands svenska litteratur 1900–2012*. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
- Ekman M. (ed.) *Finlands svenska litteratur 1900–2012*. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014.
- Klinkmann S.-E. *I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska I Finland*. Helsingfors: SLS, 2011.
- Klinkmann S.-E. Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier. *Föreställda finlandssvenskheter*. Helsingfors: SLS, 2017. S. 29–56.
- Lotman Ju. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPb Publ., 2000. (In Russian)
- Malmio K. Här och där, nära och fjärran — den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmo- derniteten. *Tijdschrift voor Skandinavistiek*, 2018, 36 (2), S. 44–57.
- Malmio K. Mötet mellan lokala och globala rum. *Historiska och litteraturhistoriska studier*. 91. Helsingfors: SLS, 2016. S. 37–65.
- Mazzarella M. Why I don't speak Finnish well. Fragments of the book "Lines between the stars". *Foreign Literature*, 2009, no. 9, pp. 233–247. (In Russian)
- Österlund M., Lassén-Seger M., Franck M. 'Glokal' litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur. *Barnelitterært Forskningstidsskrift*, 2011, 2 (1), S. 60–71.

- Riitamaa T. Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016. *Historiska och litteraturhistoriska studier*. 93. Helsingfors: SLS, 2018. S. 17–46.
- Saarela J. *Finlandssvenskarna 2021 — en statistisk rapport*. Helsinki: Svenska Finlands folkting, 2021.
- Schoolfield G. C. (ed.) *A History of Finland's Literature*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1998.
- Soini E. G. *Mutual penetration of Russian and Finnish literature in the first half of the 20th century*. Moscow: IaSK Publ., 2017. (In Russian)
- Toporov V. N. On the concept of “literary tract” (Locus poesiae). *Literary process and problems of literary culture*. Tallinn: Tallinn Pedagogical Institute. E. Vilde Publ., 1988, pp. 61–73. (In Russian)
- Ushakin S. Out of Location: Bakhtin as someone else's own. *New Literary Review*, 2006, no. 79, pp. 73–85. (In Russian)
- Vostrov A. V. *Swedish archipelago of Finland*. St. Petersburg: Kareliko Publ., 2014. (In Russian)
- Vostrov A. V. Zinaida Linden. On the verge of cultures. *Voprosy literature*, 2015, no. 6, pp. 328–341. (In Russian)
- Warburton T. *Ättio år finlandssvensk litteratur*. Helsingfors: Schildts, 1984.

Сведения об авторе:

Востров Алексей Владимирович

Старший преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Российская Федерация, 195251, ул. Политехническая, 29

Alexey V. Vostrov

Senior Lecturer

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,

29, Polytechnicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russian Federation

E-mail: vostrov_av@spbstu.ru